

СООБЩЕНИЕ ХОРЕНАЦИ О ПОХОДЕ ХАЗИР И БАСИЛ В 216 г.
И ЭТНОКАРТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ
В ПОЗДНЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД

Муртазали Гаджиев

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала

Abstract

The article focuses on the analysis of Movses Khorenac'i's information on the invasion of the Khazirs and Basils to Armenia in 216 A.D. The data serve as basis for the reconstruction of the ethnic map of the Caspian North-West Coast in the late Sarmatian period.

В статье анализируются сведения Мовсеса Хоренаци (II.65) о вторжении хазир и басил во главе с Внасепом Сурхапом (Vnasep Surhap) через ворота Чора (арм. *durn Ćoray*, т.е. Дербентский проход) в Армению в 216 г. На основе сведений письменных источников и данных археологии автор реконструирует этническую карту Северо-Западного Прикаспия позднего сарматского периода и приходит к выводу, что под Хазирами и Басилами следует понимать ираноязычных кочевников региона – носителей традиций средней сарматской культуры и традиций ранней Аланской культуры.

Keywords

Armenia, Khazirs, Basils, Caspian North-West Coast, Ethnic Map

Армения, хазир, басылы, Северо-Западный Прикаспий, этническая карта

В начале III в. военно-политическое объединение кочевников Северо-Западного Прикаспия и горцев Северо-Восточного Кавказа организовало крупное вторжение в Закавказье, в Армению. Об этом событии повествует Мовсес Хоренаци (V в.), датируя его последним годом правления армянского царя Валарша (ок. 197-216) и первым годом царствования сменившего его Хосрова, т.е. около 216 г. Ссылаясь на сирийского историка Бардесана (Бар Дейсан) из Эдессы, он рассказывает, что в конце правления армянского царя Валарша «орды объединившихся горцев, а именно хазир и басылы во главе со своим царем, неким Внасепом Сурхапом», пройдя через ворота Чора (арм. *durn Ćoray*, т.е. Дербентский проход – М.Г.) и переправившись через реку Куру, вторглись в Армению. Валарш сумел организовать отпор, преследовал их за ворота Чора, и в решающей битве погиб «от руки искусных лучников». Его сын Хосров, занявший трон «на третьем году персидского царя Артабана» (т.е. парфянского царя Артабана V, правившего ок. 213-224 гг. – М.Г.), с целью отмщения за смерть отца, совершает карательный поход, перейдя «великую гору», поражает «эти могучие племена», берет большое количество заложников и устанавливает там колонну с победной надписью на греческом языке (Хоренаци 1990, II: 65).

Эта информация Хоренаци (со ссылкой на Бардесана) ставит перед исследователями ряд важных вопросов, на которые пока трудно найти однозначный ответ. Но, прежде всего, следует отметить правдивость этого сообщения, ибо, во-первых, у нас нет поводов не доверять Мовсесу Хоренаци, который однозначно говорит о заимствовании им этих сведений из «Истории» Бардесана (Хоренаци 1990: 66), и, во-вторых, сам Бардесан (154-222), известный гностик (о нем см.: Райт 1902; Drijvers 1965; 1966; Пигулевская 1959: 90; Семенов 2006), вероятно, являлся очевидцем этих событий, а его сведения, как отмечала Н.В. Пигулевская, заслуживают особого доверия (Пигулевская 1956: 185-186). По словам Хоренаци, Бардесан «не искажал исторических фактов, ибо был человек с мощным словом» (Хоренаци 1990, II: 66).

Опираясь на данные Евсевия и Епифания можно полагать, что в 215 г., когда Каракалла занял Эдессу и включил Эдесское княжество в состав Римской империи, Бардесан покинул родной город и, вероятнее всего, укрылся в соседней Армении, союзнице Эдессы (Drijvers 1966: 208, 218). Хоренаци сообщает о его прибытии в Армению (правда, с миссионерской деятельностью), в крепость Ани, где он занялся написанием своей «Истории» (Хоренаци 1990, II: 66). И, таким образом, можно думать, что Бардесан был свидетелем набега хазиров и базилов на Армению в 216 г. и последовавших за этим событий – вплоть до ответного победного похода армянского царя Хосрова I на Восточный Кавказ, который, очевидно, имел место уже в следующем 217 г. (Семенов 2006: 15).

Данные Хоренаци о нападении «северян» на Армению в 216 г. не подвергаются сомнению. Но отметим, что М.И. Артамонов без достаточных оснований датировал это событие временем между 193-213 гг. или 198 г. (Артамонов 1962: 115, 131), тогда как у Хоренаци (и Бардесана) имеется относительно надежная хронологическая привязка к правлению парфянского царя Артабана V, хотя и здесь имеются некоторые расхождения среди специалистов в дате его восшествия на престол. Исследователи (М.И. Артамонов, Ю.Р. Джафаров, М.Г. Магомедов и др.) традиционно видят в базилах и хазирах соответственно родственные тюркские кочевые племена берсилов/барсилов, которых многие генетически связывают с гунно-булгарским кругом,¹ и хазар, а в сообщении Хоренаци – первую письменную фиксацию этих племен в источниках (Джафаров 1985: 16-18).

Одни исследователи (М.И. Артамонов, А.В. Гадло и др.) считали, что упоминание в этом пассаже хазиров/хазар и базилов/барсил указывает на свойственный средневековым авторам анахронизм, другие же (Ю.Р. Джафаров, М.Г. Магомедов и др.) – видели в этом сообщении свидетельство присутствия тюркоязычных кочев-

¹ П. Голийски в своем переводе некорректно вместо *басилы* пишет *булхары*; см. Голийски 2006.

ников (в том числе и гуннов) в Северо-Западном Прикаспии уже к этому времени. А.В. Гадло, хотя и оценивал известие Хоренаци об этническом составе участников вторжения 216 г., как анахронизм, тем не менее, полагал, что басылы/барсылы представляли собой ираноязычный этнический массив, подвергшийся в дальнейшем тюркизации (Гадло 1979: 61, 68). По мнению же С.А. Яценко, в объединенной группировке кочевников, фигурирующих под этнонимами хазеры и басылы, «наиболее вероятно видеть двух соседей – «массагетов»-маскутов и аланскую группировку из Калмыцких степей – «аланов» на карте Равеннского анонима» (Яценко 1998а: 87-88).

Ссылка Хоренаци (V в.) на авторитетного Бардесана Эдесского, писавшего в начале III в. «по свежим следам», позволяет расценивать этнический состав этого вторжения как реальный и в определенной степени конкретнее представить этнокарту Северо-Западного Прикаспия. Добавлю, что Хоренаци, как он сам сообщает (Хоренаци II:10; III: 62), работал непосредственно в архиве Эдессы, где знакомился с древними манускриптами и документами для написания своей «Истории Армении».

Принимая во внимание археологические факты, свидетельствующие о новой волне кочевников в волго-донские степи в середине II в. н.э., а также появление, начиная с III в. н.э., кочевнических памятников в Терско-Сулакском междуречье (Абрамова, Красильников, Пятых 2000; 2001; 2004), можно было бы предполагать, что в этом продвижении участвовали различные гунно-тюркские племена, что в свидетельстве Хоренаци (и Бардесана) отразилось действительное появление на Северо-Восточном Кавказе тюркоязычных басылов и хазеров. Но речь идет однозначно о миграции ираноязычных кочевников (Шелов 1972: 249; 1974: 52; 1974а: 80-93; 1978; Яценко 1998б: 54-55; Безуглов 2001; Мошкова, Малашев, Болелов 2007: 124, 128), и многочисленные погребальные памятники Северо-Западного Прикаспия, соответствующие времени фиксации этих племен на данной территории, указывают на сармато-аланскую этнокультурную принадлежность населения, оставившего эти могильники, что, в свою очередь, ставит под сомнение взгляд исследователей на тюркскую атрибуцию басылов и хазер, фигурирующих у Хоренаци. И существующие две версии этнической принадлежности басылов/барсылы – ираноязычная (сармато-аланская) и тюркоязычная (гунно-булгарская) – можно расценивать как отражающие происходивший в раннем средневековье процесс тюркизации ираноязычного массива (Гадло 1979: 61, 68).

На сармато-аланскую дефиницию племен, скрывающихся под этнонимами басылы и хазеры, может указывать имя их правителя – Внасеп Сурхап. Первая часть имени – *Внасеп* в армянской передаче (с характерным стяжением гласного в первом

слоге; ср.: арм. Wndoy – ср.-перс. Wīndōē/Wīndōy; арм. Wndat – ср.-перс. Windāt) является закономерной формой персидского имени Wināsp (Justi 1963: 368), возможно, восходящее к *Vanasp «Победоконный» (Абаев 1979: 307). Вторая часть – *Сурхал* – представляет распространенное иранское имя (перс. *сурхаб* ‘рубин’; досл. ‘красная вода’) [Такое имя носили, в частности, испахбады Табаристана-Мазандарана Сурхаб I (688-717) и Сурхаб II (755-772), командовавший войском дайламитов и джурзанцев в 922-923 г. Сурхаб ибн Вахсудан ад-Дайлами (Ибн ал-Асир 2005: 97); ср. также: имя Σόρχακος в Танаисе (Абаев 1979: 304), оформленное суффиксом *-ak*; см. также: Justi 1963: 312-313].

Приведенный отрывок – единственный в сочинении Хоренаци с упоминанием хазиров; базилы же фигурируют у него еще в двух пассажах. Согласно армянскому историку, век спустя армянский царь Трдат III (ок.299-330) около 317 г. разбил «северян» во главе с царем базилов, которые предприняли вторжение с территории Прикаспийского Дагестана («страна хонов/гуннов» V в.) по договоренности с шаханшахом Шапуром II (309-379) (Хоренаци 1990, II: 84-85). Немного позднее, в 330-х гг., с «неким храбрым воителем, пришедшим из (страны) базилов» в Армению, в правление царя Хосрова II (ок. 330-338), породнился армянский, но аланского (!) происхождения, нахарарский (княжеский) род Аравелеанов – родственников царицы Сатиник (Хоренаци 1990, II: 58). То есть, по Хоренаци, несмотря на краткость имеющихся известий, базилы, обитавшие в Северо-Западном Прикаспии, в нач. III и в нач. IV в. предстают важной военно-политической силой на кавказской арене, каковой тогда выступали различные сармато-аланские военно-политические группировки.

Для определения этнокультурной принадлежности базилов и хазиров Хоренаци весьма важны сведения других нарративных источников. По данным Михаила Сирийца (XII в.), сведения которого восходят к «Церковной истории» Иоанна Эфесского (VI в.), «земля алан называется Барсалия» (*l-atrā d-Alān, d-metqrē Barsaliyā*) (Chabot 1963: 391-392; Marquart 1903: 484-485; Altheim, Stiehl 1958: 110; Алемань 2003: 505). Это позволяет говорить о базилах/барсилах/берсилах как о племени сармато-аланского круга. В контексте этой информации известие Хоренаци о совместном походе базилов/берсилов и хазиров/хазар представляется не случайным: согласно Феофану (VIII в.), хазары – народ, вышедший из Берсилии (Чичуров 1980: 37, 61), т.е. из «земли алан». Локализация же базилов и хазиров Хоренаци к северу от ворот Чора (Дербентский проход), т.е. в приморской зоне Северо-Восточного Кавказа (а учитывая археологические материалы, к северу от р. Сулак), соответствует местоположению страны Барсалии/Берсилии, помещаемой исследователями в Северо-Западном Прикаспии (Артамонов 1962: 130; Гадло 1979:

65-68; Golden 1980: 143-147; Магомедов 1994: 24-29). Собственно хазирьы и басылы Мовсеса Хоренаци в свете этнокультурной принадлежности курганных некрополей северо-западного Прикаспия III-IV вв. предстают как племена сармато-аланской этнокультурной общности. Вместе с тем, обращает внимание, что, по крайней мере, в пяти независимых источниках – у вышеприведенных Хоренаци и Феофана, а также в «Армянской географии» (Патканов 1883: 29), в Терхинской (и Тэсинской) надписях (Кляшторный 2005: 261-262; 2005а: 111-113) и у ал-Калби (Артамонов 1962:132) басылы/берсылы и хазирьы/хазары следуют в тандеме, в чем может просматриваться их этнокультурная близость и взаимосвязь (Артамонов 1962: 132; Кляшторный 2005: 264).

Выше было обращено внимание, что С.А. Яценко счел возможным сопоставить хазирьов и басылов Хоренаци соответственно с «массагетами»-маскутами и аланами Калмыцких степей (Яценко 1998: 87-88). Эта точка зрения нуждается в некоторой коррекции. Локализуя хазирьов и басылов III-IV вв. в Северо-Западном Прикаспии, с ними можно сопоставлять многочисленные курганные могильники позднесарматского времени, расположенные в низовьях междуречья Терека и Сулака, среди которых исследовано, в частности, около трехсот курганов в зоне Львовских хуторов. Это некрополи Львовский Первый – 2, Львовский Первый – 4 и группа погребений могильника Львовский Шестой, включающие захоронения в грунтовых ямах, подбоях и катакомбах (типа IV и реже типа I) (Абрамова, Красильников, Пятых 2000; 2001; 2004). Эти памятники фиксируют продвижение в Терско-Сулакское междуречье сарматской группировки из Калмыцких степей и, очевидно, носителей катакомбного обряда погребения из Центрального Предкавказья (Абрамова 1993: 185-188, 200; Мошкова, Малашев, 1999: 200; Абрамова 2007: 86-87; Малашев 2008: 157-162).

Исследователи уже обращали внимание на то, что для Львовских могильников, хронологически относящихся к позднесарматской стадии, характерны признаки, присущие для памятников Волго-Донского междуречья предшествующего среднесарматского времени (Гаджиев 1997:78; Малашев 2008: 157-158). Вместе с тем, среди Львовских могильников в достаточной степени представлены и катакомбы типа I (Т-образные): на Львовском Первом – 2 могильнике среди 95 погребений присутствовало 10 таких катакомб (из 29 катакомб; часть из них с долей условности) (Абрамова, Красильников, Пятых 2000: 53-56); на Львовском Первом – 4 могильнике из 67 погребальных конструкций они представлены в 9 (из 11 достоверных катакомб) (Абрамова, Красильников, Пятых 2001: 41-43), а на Львовском Шестом могильнике – все 25 катакомб являлись Т-образными (Абрамова, Красильников, Пятых 2004: 44-45), что дало основания М.П. Абрамовой указать

на связь этого могильника с погребальными традициями населения Центрального Кавказа (Абрамова 2007: 87). В.Ю. Малашев также акцентировал внимание на том, что данная группа погребений ассоциируется с древностями аланской культуры центральных районов Северного Кавказа и более определенно высказался о наличии в составе Львовских могильников двух *основных культурных компонентов* – традиций *среднесарматской культуры* и традиций *аланской культуры* Северного Кавказа (Малашев 2008: 157-162).

Я далек от мысли сопоставления этих двух культурных компонентов с двумя этническими группировками, фигурирующими у Хоренаци. Этническая картина в этой зоне была значительно сложнее. Специалисты уже обращали внимание на связь Львовских курганов Северного Дагестана с курганным могильником Паласа-сырт IV-V вв. в Южном Дагестане, на их общую этнокультурную основу, отмечая продвижение племен сармато-аланского круга из Северо-Западного Прикаспия в более южные районы Прикаспийского Дагестана (Абрамова 2007: 102, 103, 105; Малашев 2008). Могильник Паласа-сырт давно и обоснованно сопоставляется исследователями (Котович 1959: 148-156; 1975: 97; Кузнецов 1961: 268-269; иная точка зрения: Гмыря 1993: 303-304) с засвидетельствованными в письменных источниках маскутами приморской зоны Южного Дагестана.

С маскутами же сопоставляется и расположенный немного южнее курганный могильник Кухмазкунт IV-V вв., характеризующийся Т-образными катакомбами (как правило, для индивидуальных захоронений с ориентировкой головой на ЮЗ) с овальной, подпрямоугольной, трапециевидной формы камерами, меридионально (ЮВ-СЗ) ориентированными узкими входными ямами со ступеньками у задней (юго-восточной) стенки и другими признаками, сближающими их с памятниками аланской культуры центральных районов Северного Кавказа этого времени (Гаджиев, Давудов, Бакушев, Саидов 2007: 106-111; Давудов, Гаджиев, Саидов 2007: 77-84; 2008: 143-145).

Среднеперсидская форма этнонима маскуты – *mskyt'n* (*maskītān* / *maskētān* с суффиксом множественности *-ān*), зафиксированная в надписи Нарсе (293 г.) в Пайкули (Humbach, Skjærnvø 1980: ВІ. НЗ; Касумова 1983:53; Луконин 1987: 169, 255, прим. 45) и которая в древнеперсидском закономерно могла иметь форму **masakita* / **masaketa*, соответствует греч. *Μασσαῖοι* и лат. *Massagetae* (удвоение интервокальных согласных *-σσ-* и *-ss-* характерно для древнегреческого и латинского). Исследователями предложены различные, порой необычные толкования этнонима массагеты. Но представляется более верным видеть в нем основу *masa* 'великий', 'большой' с характерными иранскими словообразовательным суффиксом *-ak/-ag* и

показателем множественного числа *-ta* (ср., например, образованное по такому принципу родовое имя *Ахсартата* и др.).

Соответствие *маскутов* древнеармянских источников *массагетам* греко-латинских авторов вытекает не столько из созвучия этих этнонимов, сколько из замечания Хоренаци со ссылкой на Флегониоса (Флегон Траллийский, II в. н.э.) о войне Кира с *маскутами* (Хоренаци 1990: II,13), имевшего в виду гибель ахеменидского царя в столкновении со среднеазиатскими массагетами, с которыми античная традиция устойчиво связывает происхождение алан (Dio Cass. Hist. Rom. LXIX.15; Amm. Marc. XXIII.5.16, XXXI.2.12) и появление которых на Восточном Кавказе, очевидно, следует рассматривать в контексте аланской миграции в Предкавказье. Этой миграцией следует объяснять и появление на карте Восточного Кавказа этнополитонима *patria Massagetarum* в соседстве с Албанией (*patria Albania*) (Plin. Nat. Hist. II.12; Raven. Anon. Cosm. II.12).

Не исключено, что *patria Massagetarum* следует идентифицировать с Μάζακα χῶρος боспорской эпитафии I в. до н.э. (Яйленко 1995: 207). Как считает В.П. Яйленко, этот топоним является исходным для этнонима *Mazacae* (вар. *Mazamacas*, *Mazacacas*, *Mazacacos*, *Mazacas*), фигурирующим у того же Плиния в перечне племен Предкавказья (Plin. Nat. Hist. VI.6) и который исследователи уже неоднократно сопоставляли с этнонимом *маскуты* через его, отягощенную вторым этнонимом, греческую реплику в труде Агатангелоса – *масаха-унны* (τῶν Μασαχοῦ τῶν Οὐννων) (Тревер 1959: 193-194; Гадло 1979: 35; Гумба 1987: 94). Возможность связи Μάζακα χῶρος и *patria Massagetarum* I в. до н.э. – I в. н.э. с *маскутами*, с которыми я склонен связывать более поздние Львовские курганы, не исключена и не должна вызывать удивление, учитывая наличие в этих памятниках существенных черт среднесарматской культуры.

В контексте предлагаемого отождествления находится и информация Аммиана Марцеллина, приводящего пространную речь императора Юлиана (361-363) в апреле 363 г., с которой он обратился к своим воинам незадолго до битвы с персами. В этой речи, которую слушал сам Аммиан, есть и такие слова: «Не стану говорить о Лукулле или Помпее, который, пройдя через земли албанов и массагетов, которых мы называем теперь аланами, разбил и это племя (персов) и увидел Каспийское море» (Amm. Marc. XXIII. 5.16). Оставляя в стороне вопросы о дословности цитаты, о достоверности информации о прохождении Помпеем и Лукуллом территории расселения массагетов и Прикаспия во время их кавказских кампаний в I в. до н.э., обратим внимание на два обстоятельства. Первое – это то, что Аммиан (со слов Юлиана?) помещает рядом земли албанов и массагетов, и второе – то, что Аммиан идентифицирует массагетов и аланов (влияние Диона

Кассия?). Это не единственный случай идентификации Аммианом Марцеллином массагетов и аланов. Описывая гуннов, он сообщает также, что они дошли «до земли аланов, древних массагетов (*Halanos veteres Massagetas*)» (Amm. Marc. XXXI. 2.12). Кстати, ему же принадлежит и замечание, что аланы распространили свое имя и на другие племена «вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения» (Amm. Marc. XXXI. 2.17).

Важно указать, что Аммиан Марцеллин (ок. 330-395), участвовавший в войнах Рима с Сасанидским Ираном в середине IV в., был хорошо осведомлен в восточных и кавказских делах. И можно веско полагать, что он был информирован о массагето-аланском царстве на западном побережье Каспия (Акопян 1987: 105).

Таким образом, в этническом массиве племен Северо-Западного Прикаспия III-IV вв. следует видеть и маскутов/массагетов, правитель которых с высоким титулом шах (*MLK*?; ср.-перс. *šah*) вместе с другими кавказскими владельцами принял участие в коронации шаханшаха Нарсе в 293 г. (Humbach, Skjærvø 1982: Bl.НЗ; Касумова 1983: 53-54; Луконин 1987: 169). По данным Хоренаци, Бузанда, Каланкатвази, к 330-м гг. маскуты во главе с царем Санесаном уже продвинулись на территорию приморской части Южного Дагестана к югу от Дербентского прохода – т.е. в зону расположения курганных могильников Паласа-сырт и Кухмазкунт.

Здесь нужно указать, что имя царя маскутов Санесан может находить этимологию в иранских языках, а именно в слове *sap(a)* или *sæpæ* – скиф., осет. «вино» (ОИЯ 1979:302). Имена с такой основой, образующие этимологический ряд – Σάνακος, Σανδάρζιος, Σανεία, известны среди эпиграфических находок Ольвии, Танаиды, Пантикапея (Там же; см. также: *Livshits*, 2003. P. 47-54 – согдийское имя *Sānak*) и, вероятно, были распространены среди ираноязычных племен Юго-Восточной Европы. В этом же этимологическом ряду стоит и имя 'Αλούθακος с основой *aluθ* – скиф. «пиво» (ср.: осет. *æluton* «пиво», груз. (из аланского) *aludi*) (ОИЯ 1979: 277). Но более предпочтительным и закономерным видится связь имени Санесан, учитывая социальный статус его обладателя, с др-иран. *Zanaχšāna / Zanasana* – «обладающий племенем», «родовитый» (Justi 1895: 379; Дьяконов 1956: 262, сн. 3).

Очевидно, к сармато-аланской общности Северо-Западного Прикаспия позднесарматского времени следует присовокупить и родственных маскутам/массагетам абхазов (resp. абасги/апасиаки; очевидно, ошибочно поздние комментаторы Иоанн Цец (XII в.) и Вардан Аревелци (XIII в.) связывали их с хорошо известными им западнокавказскими абасгами/абхазами: «абасги, называемые также массагетами» (Tzetzes. Ad. Cass. 174 // Латышев 1947: 266, 268); «Абхаз – это страна маскутов, находящаяся на берегу моря Врканской страны» (цит. по: Еремян 1967: 55); см.

также: Алиев, Асланов 1976: 218-237; 1977: 75-77), также мигрировавших из Средней Азии. Часть их позже, очевидно, продвинулась вместе с маскутами южнее – в приморскую зону Восточного Кавказа, где в арабский период фиксируются город Абхаз и страна Абсийя, располагавшиеся южнее р. Самур и севернее города Шабран (Ал-Истахри 1901: 31; Ибн Хаукаль 1908: 101). С ними, возможно, связаны некоторые погребальные памятники региона и, в частности, захоронения могильника Кухур-оба IV-VII вв., находящегося в приморской части Северо-Восточного Азербайджана южнее Самура и на котором представлены катакомбы и грунтовые ямы (Халилов, Аразова, Ахундов, Кошкарлы 1982: 27-28; Халилов, Кошкарлы, Аразова 1991: 86-88), имеющие близкое сходство с погребениями Львовских могильников, Паласа-сырта и Кухмазкунта (Т-образные катакомбы, овальной формы камеры с лазом в юго-восточной стенке, индивидуальные погребения в вытянутом положении, меридиональная ориентировка входной ямы и др.; ямы удлинненно-овальной формы, с индивидуальными захоронениями вытянуто на спине, южная ориентация), но отличающиеся отсутствием курганных насыпей. Обращает внимание местонахождение рядом и синхронного поселения (Халилов, Кошкарлы, Аразова 1991: 86). Замечу также, что по данным ат-Табари в середине VI в. абхазы вместе с банджарами, баланджарами и аланами фиксируются на территории Северо-Западного Прикаспия и были вовлечены в военнополитическое противостояние между Сасанидским Ираном и Тюркским каганатом (Шихсаидов 1986: 69-70).

Вместе с тем, нельзя не учитывать вероятное присутствие в этническом конгломерате Северо-Западного Прикаспия позднесарматского времени и проживавших здесь в предшествующий среднесарматский период племен, видимо, в основной своей массе сармато-аланского происхождения, и имена которых донесли до нас греко-латинские авторы. Это аорсы (*Strabo*. XI.2.1), собственно сарматы, утидорсы, «пахари» (*Aroteres*) (*Plin. Nat. Hist.* VI.39), уды, олонды, исонды и герры (*Ptol. Geogr.* V.8.13), имена которых сопоставляются с приводимыми Клавдием Птолемеем гидронимами Удон (совр. Кума), Алонта (совр. Терек), Соана (совр. Сулак) и Герр (*Ptol. Geogr.* V.8.6, V.11.2,5), и другие племена (*Strabo*. XI.8.8; *Dionis. Per.* 730).

Птолемеевы *исонды*, по-видимому, могут идентифицироваться с *исседонами*, продвинувшимися сюда из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (Мачинский 1971: 30-37; Шилов 1975: 139; см. также: Лукашов 1983: 66-82), и с локализуемыми в Предкавказье страбоновыми *исадиками*, «которые еще в состоянии заниматься земледелием» (*Strabo*. XI.5.7). В этих этнонимических обозначениях выделяется основа *ис-*, оформленная в разных случаях различными иранскими

суффиксами. В этнониме *олонды*, на наш взгляд, следует видеть одно из ранних упоминаний *алан*, в котором термин оформлен характерным суффиксом множественного числа *-да/-та*.

По Дионисию Периегету (II в. н.э.), на западном побережье, между скифами (т.е. сарматами), занимавшими Северный Прикаспий, и албанами, проживали *тин(н)ы* / *фин(н)ы* и *каспии* (Dionis. Per. 730). В данном случае этноним *каспии* выступает собирательным термином, обозначая различные прикаспийские восточнокавказские племена, обитавшие севернее албан. В другом же этнониме, на что уже неоднократно указывалось специалистами (Maenchen-Helfen 1973: 445-447; Свод древнейших известий о славянах 1994: 86-87; Мошкова, Малашев, Болелов 2007: 128), вследствие неправильного чтения Οὐννοι вместо Θυννοι в издании К. Мюллера (Müller 1882) многие исследователи ошибочно видели и видят *уннов* / *гуннов* и, исходя из этого, строят выводы о появлении гуннов в Юго-Восточной Европе и Западном Прикаспии уже в сер. II в. н.э. (Федоров, Федоров 1978: 28, 47-48; Джафаров 1985: 12-13; Гмыря 1995: 9, 46). В последнем русском переводе сочинения Дионисия эта неточность исправлена (Дионисий Александрийский (Периэгет) 2006: 240, прим. 236).

Замечу, что у Присциана (втор. пол. V в. – нач. VI в.), в его латинском переводе Дионисия названы *тины* (Thyni), а не *унны* (Priscian. Per. v. 705). Апелляции же к комментариям Евстафия из Фессалоники на сочинение Дионисия, где автор поясняет, что при написании этнонима унны (Οὐννοι) или *туны* / *тинны* (Θυννοι) «нужно следовать тем, которые пишут *унны* без θ» (Eustath. Ad Dyonis. Perieg. (417-419) 730), а также к «Сокращенной географии» Никифора Блеммида, где автор, повторяя данные Дионисия и следуя за поправкой Евстафия, пишет *унны* (Οὐννοι) (Niceph. Geogr. Synopt. 730), не оправданны по той причине, что оба они являются писателями значительно более позднего времени (XII-XIII вв.). Я сознательно остановился на данном вопросе, так как за ошибочным суждением о присутствии гуннов в Западном Прикаспии уже с сер. II в. н.э. следуют иные неверные мнения, как то, например, вывод о вытеснении или ассимиляции прежнего кавказского и ираноязычного (сарматского) населения этой зоны (Гмыря 2002:156), признание гунно-тюркской доминанты в царстве маскутов (Гмыря 2006:12), раннего проникновения тюрков в Закавказье и др.

Как на то обратил внимание А.А. Акопян, список племен, живущих на южном, западном и северном побережьях Каспия, Дионисия Периегета (с севера на юг – скифы, тин(н)ы, каспии, албаны, кадусии, марды, гирканы, тапиры) весьма близок Списку племен Страбона (с юга на север – тапиры, гирканы, амарды, анариаки, кадусии, албаны, каспии, уитии, другие племена до скифов: Strabo

XI.8.8) и указывает на соответствующее заимствование этих данных греческим поэтом у известного географа (Акопян 1987: 39, 77, прим. 12, 203. Факт использования Дионисием труда Страбона засвидетельствован почти дословной информацией об албанах у комментатора Периегета Евстафия Фессалоникийского). В этих списках имеются два различия: первое – это отсутствие у Дионисия анариаков, обитавших у юго-западного края Каспия, и замена утиев (Ούτιοι) Северо-Западного Прикаспия на тин(н)ов. Это, с одной стороны, исключает чтение Οὐννοι, а с другой, позволяет ввести (с учетом данных Плиния об удилах (Udini) и утидорсах (Utidorsi) и Птолемея об удах (Οὐδαί) в этой зоне Прикаспия) конъектуру – исправить загадочных Θυυ(ν)οι (тинов) на известных Ούτιοι (утиев) или, скорее, *Οθυυ(ν)οι (утинов).

Вместе с тем, очевидно, не следует упомянутых утиев / удов / удинов Северо-Западного Прикаспия идентифицировать с закавказскими (кавказско-албанскими) утиями / отенами – жителями одноименной прикуринской области (арм. Утик) (см., напр., разные мнения: Тревер 1959: 45-47; Акопян 1987: 74-84; Алиев 1974: 127-133; 1992: 54-56). Можно осторожно предполагать, что под северокаспийскими утиями/ удами/ удилами скрывается какое-то финно-угорское племя (ср., напр.: *уд-мурт*, где компонент *-мурт* «человек») (Кобычев 1989:13-18), принимая во внимание контакты древних угро-финнов с сармато-аланским (Йоки 1977: 139-145; Магометов 1981: 25-34) и северо-восточнокавказским (Васильев, Сергеев 1990: 135-140) обществами. В этой связи следует указать и на уже приводившееся сопоставление сарматского племенного обозначения *аорс* с мордвинским этнонимом *эрзя* (Мацулевич 1947: 133; Кобычев 1989: 15). Также и в утидорсах Плиния, возможно, следует видеть сарматское (Давудов 1987: 44-45) или угро-сарматское объединение, а не смешанное кавказско-сарматское племя, включившее утиев / удин и аорсов и с которым связываются определенные погребальные памятники сарматского времени Прикаспийского Дагестана (Смирнов 1951: 271-272; 1961: 209-210).

В заключении возвращаясь к пассажу Хоренаци о вторжении хазиров и базилов, отмечу, что древнеармянский историк называет их «объединившимися горцами», что, на мой взгляд, не дает основания видеть в них горские племена Северо-Восточного Кавказа, но позволяет говорить об этом походе как о совместном выступлении автохтонного горского населения и кочевников. Можно веско полагать, что в Терско-Сулакском междуречье в III-IV вв. существовало крупное сармато-алано-дагестанское военно-политическое объединение. М.П. Абрамова особо подчеркивала, что в сложении культуры северных равнинных районов Дагестана, ведущим центром которых предстает Андрейаульское городище,

значительную роль играли сарматские племена (Абрамова 1987:72). О кочевническом этническом компоненте среди населения Андрейаульского городища свидетельствует расположение в его округе (помимо погребальных памятников местного населения) большого количества курганов, в том числе принадлежащих кочевнической знати. К таковым, в частности, относятся подкурганые погребения первых веков н.э. в широких прямоугольных ямах (4,1-4,3x3,5-3,6 м) с деревянными конструкциями (Абрамова, Магомедов 1980:129-134), а также захоронения конца IV – нач. V в. н.э. под крупными насыпями (высотой до 5 м) в Т-образных катакомбах с прямоугольными камерами со стрелчатым сводом, и глубокой входной ямой (до 8-10 м) (Абрамова, Магомедов 1980:126; Магомедов 1994:34-36; Гаджиев, Малашев 2014: 10-14, рис. 2, 3). Первые по своим конструктивным особенностям близки подобным захоронениям кочевнической знати Нижнего Дона второй пол. I – первой пол. II в. н.э., отождествляемым все большим числом исследователей с памятниками, оставленными аланами (см., напр.: Засецкая 1989: 46; Раев 1989: 117; Симоненко 1989:118; Скрипкин 1990: 215; Прохорова 1994: 174), вторые находят параллели среди подкурганых катакомб бассейна среднего течения Терека и его притоков (Мошкова, Малашев 1999: 187-188).

Наконец, обратим внимание, что по времени военная кампания «объединившихся горцев» и кочевников почти совпала с походом императора Марка Аврелия Каракаллы (211-217) на Парфию и Армению. И здесь можно осторожно полагать, что хазиры и басилы во главе с Внасепом Сурхапом были призваны Римом в качестве наемников или же они были осведомлены о военном ослаблении Армении, подвергшейся вторжению римских войск, в связи с чем и предприняли данный поход.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев, В.И., 1979, «Скифо-сарматские наречия», *ОИЯ (Основы иранского языкознания), Древнеиранские языки*, М.
- Абрамова, М.П., 1987, «Особенности культуры Дагестана в албано-сарматскую эпоху», *СА*, № 4.
- , 1993, *Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.)*, М.
- , 2007, «Курганые могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры», *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Памяти М.П. Абрамовой*, М.

- , Красильников, К.И., Пятых, Г.Г., 2000, *Курганы Нижнего Сулака: Могильник Львовский Первый – 2. Труды Дагестанской экспедиции*, Т. I. МИАР. № 2. М.
- , Красильников, К.И., Пятых, Г.Г., 2001, *Курганы Нижнего Сулака: Могильник Львовский Первый – 4. Труды Дагестанской экспедиции*, Т. II. МИАР. № 4. М.
- , Красильников, К.И., Пятых, Г.Г., 2004, *Курганы Нижнего Сулака: Могильник Львовский Шестой. Труды Дагестанской экспедиции*, Т. III. МИАР. № 5. М.
- , Магомедов, М.Г., 1980, «О происхождении культуры Андрейаульского городища», *Северный Кавказ в древности и в средние века*, М.
- Акопян, А.А., 1987, *Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках*, Ереван.
- Алемань, А., 2003, *Аланы в древних и средневековых письменных источниках*, М.
- Алиев, И.Г., Асланов, Г.М., 1976. «Племена сармато-массагето-аланского круга на территории Азербайджана», *Древний Восток*, вып. 2, Ереван.
- Алиев, И.Г., Асланов, Г.М., 1977, «К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летоисчисления», *МАДИСО*, т. III, Орджоникидзе.
- Алиев, К.Г., 1974, *Кавказская Албания (I в. до н.э. – I в. н.э.)*, Баку.
- , 1992, *Античная Кавказская Албания*, Баку.
- Ал-Истахри, 1901, *Книга путей и царств*, пер. Н.А. Караулова, СМОМПК, вып. XXIX, Тифлис.
- Артамонов, М.И., 1962, *История Хазар*, Л.
- Безуглов, С.И., 2001, *Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.)*, Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук, М.
- Васильев, В.И., Сергеев, Г.А. 1990, «Следы пребывания угров и самодийцев на территории Дагестана (историческая этнография и ономастика)», *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Debregen.
- Гаджиев, М.С., 1997, *Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период*, Махачкала.
- , Давудов, Ш.О., Бакушев, М.А., Саидов, В.А., 2007, «Раскопки курганов 22 и 37 могильника Кухмазкунт», *Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН*, № 1, Махачкала.
- , Малашев, В.Ю., 2014, «Княжеские» и элитные воинские погребения позднесарматского и гуннского времени в Дагестане», *Краткие сообщения Института археологии РАН*, вып. 234, сс. 9-24, М.
- Гадло, А.А., 1979, *Этническая история Северного Кавказа IV-X вв.*, Ленинград.

- Гмыря, Л.Б., 1993, *Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники*, Махачкала.
- , 1995, *Страна гуннов у Каспийских ворот*, Махачкала.
- , 2002, «Гунны на Северном Кавказе», *История татар с древнейших времен в семи томах*, т. I, *Народы степной Евразии в древность*, Казань.
- , 2006. «Образ мира в представлениях населения Прикаспийского Дагестана IV-VII вв.», *Вестник Института истории, археологии и этнографии*, № 4.
- Голийски, П., 2006, *Българите в Кавказ и Армения (II-X век)*, София.
- Гумба, Г.Д., 1987, «Кавказские хоны [гуны] по «Ашхарауц-у», *Труды Абхазского университета*, т. 5, Сухуми.
- Давудов, О.М., 1987, «Об этнокультурной характеристике памятников Прикаспийского Дагестана», *Этнокультурные процессы в древнем Дагестане*, Махачкала.
- Давудов, Ш.О., Гаджиев, М.С., Саидов, В.А., 2007, «Раскопки курганов 23-25 могильника Кухмазкунт», *Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН*, № 3, Махачкала.
- , ———, ———, 2008, «Кухмазкунтский курганный могильник IV-V вв.», *Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных регионов (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа, тез. докл.)*. Владикавказ.
- Дионисий Александрийский (Периэгет), 2006, «Описание ойкумены» (вступит. статья, пер. с древнегреч. и комментарии Е.В. Илюшечкиной), *Вестник Древней истории*, № 2.
- Джафаров, Ю.Р., 1985, *Гунны и Азербайджан*, Баку.
- Дьяконов, И.М., 1956, *История Мидии от древнейших времён до конца IV в. до н.э.*, М.-Л.
- Еремян, С.Т., 1967, *Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт*, ВДИ, № 4.
- Засецкая, И.П., 1989, «Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор)», *СА*, № 3.
- Ибн ал-Асир, 2005, *Китаб ал-камил фи-т-тарих («Полный свод истории»)* (Избранные отрывки. Пер. с араб. яз., примеч. и коммент. П.Г. Булгакова. Дополнения к пер., примечаниям и комментариям, введение и указатели Ш.С. Камолиддина), Ташкент – Цюрих.
- Ибн Хаукаль, 1908, *Книга путей и царств* (пер. Н.А. Караулова), СМОМПК, вып. XXXVIII, Тифлис.
- Йоки, А.Й., 1977, «Осетинский язык и финно-угроведение», *Вопросы иранской и общей филологии*, Тбилиси.

- Касумова, С.Ю., 1983, *Южный Азербайджан в III-VII вв.*, Баку.
- Кляшторный, С.Г., 2005, «Азиатский аспект ранней истории хазар», *Хазары. Евреи и славяне*, т. 16, Иерусалим – М.
- , 2005а, «Хазарские заметки», *Тюркологический сборник, 2003-2004: Тюркские народы в древности и средневековье*, М.
- Кобычев, В.П., 1989, «Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе», *Кавказский этнографический сборник, IX. Вопросы исторической географии*, М.
- Котович, В.Г., 1959, *Новые археологические памятники Южного Дагестана*, МАД, т. I, Махачкала.
- , 1975, «Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана», *Пятое Крупновское чтение по археологии Кавказа*, тез. докл., Махачкала.
- Кузнецов, В.А., 1961, *Аланы и раннесредневековый Дагестан*, МАД, т. II, Махачкала.
- Латышев, В.В., 1947, *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Исаакия, или, скорее, Иоанна Цеца объяснение к «Кассандре» Ликофрона*, ВДИ, № 3.
- Лукашов, А.В., 1983, «К вопросу о миграции прохоровских племен Южного Приуралья в Нижнее Поволжье», *История и культура сарматов*, Саратов.
- Луконин, В.Г., 1987, *Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры*, М.
- Магомедов, М.Г., 1994, *Хазары на Кавказе*, Махачкала.
- Магомедов, А.Х., 1981, «Взаимодействие культур иранских (скифов, сарматов и алан) и финно-угорских народов», *История, этнография и культура народов Северного Кавказа*, Орджоникидзе.
- Малашев, В.Ю., 2008, «О культурном единстве Паласа-сыртского и Львовских курганных могильников», *Северный Кавказ в древности и средние века* (сборник статей, посвященный 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева), Махачкала.
- Мацулевич, Л.А., 1947, «Аланская проблема и этногенез Средней Азии», *СЭ*, т. VI-VII.
- Мачинский, Д.А., 1971, «О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников», *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, вып. 13.
- Мошкова, М.Г., Малашев, В.Ю., 1999, «Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений», *Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья*, Волгоград.

- , ———, Болелов С.Б., 2007, *Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н.э. – IV в. н.э.*, РА, № 3.
- ОИЯ (Основы иранского языкознания), 1979, *Древнеиранские языки*, М.
- Патканов, К.П., 1883, «Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому», *ЖМНП*, Март.
- Пигулевская, Н.В., 1956, *Города Ирана в раннем средневековье*, М.-Л.
- , 1959, «Эдесская хроника», *ПС*, вып. 4 (67). М.-Л.
- Прохорова, Т.А., 1994, *Некоторые аспекты идеологии сармато-алан (по материалам кургана 10 Кобяковского могильника)*, ВДИ. № 4.
- Раев, Б.А., 1989, «Аланы в евразийских степях: восток – запад», *Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М.И. Ростовцева*, Новочеркасск.
- Райт, В., 1902, *Краткий очерк истории сирийской литературы*, СПб.
- Свод древнейших известий о славянах*, т. I (I-VI вв.), изд. 2-е испр. М., 1994.
- Семенов, И.Г., 2006, «Восточный Кавказ в III– первой половине IV в. по сведениям Псевдо-Бардесана Эдесского», *Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН*, ф. 3., оп. 1., д. 800.
- Симоненко, А.В., 1989, «О периодизации сарматской культуры», *Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М.И. Ростовцева*, Новочеркасск.
- Скрипкин, А.С., 1990, *Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект*, Саратов.
- Смирнов, К.Ф., 1951, *Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг.*, МИА, № 23.
- Смирнов, К.Ф., 1961, *Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент*, МАД, т. II, Махачкала.
- Тревер, К.В., 1959, *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. - VII в. н.э.*, М.-Л.
- Федоров, Я.А., Федоров, Г.С., 1978, *Ранние тюрки на Северном Кавказе*, М.
- Халилов, Дж.А., Аразова, Р.Б., Ахундов, Т.И., Кошкарлы, К.О., 1982, «Новые памятники Северо-Восточного Азербайджана», *Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане*, Баку.
- , Кошкарлы, К.О., Аразова, Р.Б., 1991, *Археологические памятники северо-восточного Азербайджана. Свод археологических памятников Азербайджана*, вып. 1, Баку.

- Хоренаци, Мовсес, 1990, *История Армении*, пер. с древнеарм. яз., введ. и примеч. Г.Саркисяна, Ереван.
- Чичуров, И.С., 1980, *Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана: "Бревиарий" Никифора*, тексты, переводы, комментарии, М.
- Шелов, Д.Б., 1972, *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*, М.
- , 1974, «К этнической истории Нижнего Подонья», *Изв. СКНЦВШ. Сер. обществ. Наук*, № 3.
- , 1974а, *Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II-III вв. н.э. по данным танаисской ономастики*, ВДИ, № 1.
- , 1978, «Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первые века нашей эры», *Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока*, М.
- Шилов, В.П., 1975, *Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья*, М.
- Шихсаидов, А.Р., 1986, *Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа*, Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма, М.
- Яйленко, В.П., 1995, «Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях», *Женщина в античном мире*, сб. Статей, М.
- Яценко, С.А., 1998а, «Бывшие массагеты» на новой родине – в Западном Прикаспии (II-IV вв. н.э.)», *Историко-археологический альманах*, вып. 4, Армавир – М.
- , 1998б, «Имена аланов из Танаиса второй половины II – первой половины III в. н.э. как исторический источник», *Донская археология*, № 1.
- Altheim, F., Stiehl, R. 1958, "Michael der Syrer über das erste Auftreten der Bulgaren und Chazaren", *Byzantion*, 28.
- Chabot, J.B., 1963, *Chronique de Michel le Syrien*, Brussels.
- Drijvers, H.J.W., 1965, *The Book of the Lows of Country: Dialogue on Fate of Bardaisan of Edessa*. Assen.
- , 1966, *Bardaisan of Edessa*, Assen.
- Humbach, H., Skjærvø, P.O., 1980, *The Sassanian Inscription of Paikuli. Pt.2. Synoptic Tables*, Wiesbaden.
- Golden, P., 1980, *Khazar Studies*, vol. 1, Budapest.
- Justi, F., 1895, *Iranisches Namenbuch*, Marburg.
- , 1963, *Iranisches Namenbuch*, Hildesheim.
- Livshits, V.A., 2003, "Sogdian Sānak, a Manichaean Bishop of the 5th – Early 6th Century", *Bulletin of the Asia Institute*, N.S., vol. 14.

- Maenchen-Helfen, O.J., 1973, *The World of the Huns. Studies in their history and culture*, Berkeley; Los Angeles; London.
- Marquart, J., 1903, *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9 und 10. Jahrhunderts (ca 840-940)*, Leipzig.
- Müller, C., 1882, *Geographi graeci minores*, vol. II. Paris.